

Анна Данилова: Отец Владимир, спасибо большое, что вы согласились дать нам интервью. Мы хотим собрать практический опыт духовников, пастырей, имеющих большой опыт наставничества в большом приходе. Ответы на практические вопросы, которые мы хотели бы задать, очень важно услышать и молодым священникам, и вашим собратям с большим опытом, и вообще всем православным, церковным христианам.

Протоиерей Александр Ильяшенко: Мы хотели бы начать с исповеди как одной из важнейших сторон пастырской деятельности. И хочется, чтобы отправной точкой послужила ваша книга на эту тему почти двадцатилетней давности.

Анна Данилова: «Покаяние, исповедь, духовное руководство». Я помню, как в конце девяностых ее распространяли на ксероксе, зачитывались. Это действительно стало откровением для людей.

Легко дается и мало ценится

Протоиерей Александр Ильяшенко: Двадцать лет — это большой срок, опыт все время накапливается. Что из написанного тогда вы продолжаете считать принципиальным? Что стало для вас принципиальным в этих вопросах уже после написания книги?

Анна Данилова: Что изменилось за эти двадцать лет?

Протоиерей Владимир Воробьев: Изменилось очень многое. Изменились, прежде всего, люди, которые приходят на исповедь. Основные вопросы остаются всегда одинаковыми, но люди стали совершенно другими.

Анна Данилова: А в чем? Что в людях поменялось?

Протоиерей Владимир Воробьев: В период советской власти, который мы называем периодом гонений, люди, которые приходили в Церковь, в массе своей были совершенно неграмотными. Они ничего не знали, не понимали, не читали и не слышали. Приходили по зову сердца, но отчасти и по какой-то едва-едва сохранившейся традиции. Теперь приходят люди, которые уже многое знают, имеют возможность прочитать что угодно,

у них уже есть какой-то опыт церковной жизни. Храмов и священников гораздо больше, чем было в советские годы.

Люди уже забыли о том, что были какие-то гонения, какое-то давление. Они выросли в полной свободе. Есть поговорка: «Что легко дается, то мало ценится». Современным людям церковная жизнь дается в этом смысле легко, и они не очень-то ценят это. Отношение к храму, к службе, к священнику зачастую другое, чем было двадцать лет назад. Особенно, конечно, это касается детей.

Идеально или никак

Дети, с рождения воспитанные в церковной жизни, часто совсем мало ценят ее. Для них храм — это нечто бытовое, обыденное, само собой разумеющееся. У них нет вопросов — как мы не спрашиваем, что такое стол или стул, все ясно же. Им ясно: храм — это храм. У них нет никакого трепета, никакого благоговения. Они чувствуют себя как дома: бегают по храму, играют, болтают. Современные родители не восприняли того благоговейного отношения к храму, которое было в прежних поколениях, поэтому не умеют передать его своим детям.

Протоиерей Александр Ильяшенко: Отец Владимир, вы раньше говорили, что ребенок в храме должен вести себя или идеально, или никак. Если ребенок балуется, одень его потеплее и выйди с ним на улицу, чтобы он понимал, что так себя в храме вести нельзя. Как сейчас родители воспринимают такое отношение?

Протоиерей Владимир Воробьев: Родители не воспринимают, и ребенку внушить такое не то что трудно, а почти невозможно, но это тоже можно понять. Когда я жил с внуками, видел, как маме трудно их призвать к порядку, чтобы они как следует сидели за столом, стояли на молитве с благоговением. Она устает, теряет энергию, а они этим пользуются и ведут себя совершенно не должным образом. Мне не хочется быть держимордой, поэтому я тоже молчу, и все молчат. Они нас побеждают.

Анна Данилова: Отец Владимир, а с какого возраста ребенка надо водить в храм? Мне доводилось читать такое руководство: мать заходит с

детьми, ребенку не дает голову в сторону повернуть, к причастию — и тут же выходит из храма. Вы по-прежнему считаете, что с детьми надо приходить в храм ненадолго?

Протоиерей Владимир Воробьев: Можно, зная своего ребенка, приводить его на столько времени, сколько он может выдержать. Моя старшая дочка могла выдержать всю службу с легкостью. Она была очень музыкально одаренным ребенком, церковное пение ее завораживало. Дочь всю службу стояла или сидела на руках, слушала и смотрела, и никаких вопросов не было. А если ребенок не может пяти минут простоять, ему все время надо бегать взад-вперед, что-то делать, с кем-то играть, с кем-то разговаривать, — то, конечно, его нельзя приводить на всю службу. Его нужно привести только к причастию.

Анна Данилова: До какого возраста детей можно приводить только к причастию? Все-таки должен же наступать момент, с которого ребенку надо ходить на всю службу?

Протоиерей Владимир Воробьев: Тут очень простой критерий: ребенок в храме должен стоять благоговейно. Пребывание в храме должно быть для него особенным, святым временем. Если он может, хорошо его привести на полиелей. Если на литургию, то хотя бы к «Верую», чтобы он во время Евхаристического канона был в храме.

Протоиерей Александр Ильяшенко: На всю службу, наверное, ребенок начинает ходить, входя в сознательный возраст, когда он подходит к исповеди.

Протоиерей Владимир Воробьев: Тут все очень индивидуально. Один уже в семь лет исповедуется, а другой и в девять лет не исповедуется. Кому-то, может быть, не на всю службу, а именно на исповедь нужно прийти.

Анна Данилова: Не сложно ли потом подростку воспринять, что еще вчера он приходил на пять минут в храм, а сейчас уже к причастию не пускают, если пришел не к началу службы?

Протоиерей Владимир Воробьев: Я не замечал, чтобы у подростков были такие трудности. Все дети мечтают поскорее стать взрослыми. Они хотят пораньше начать исповедоваться, потому что думают, что если исповедуются, то они уже большие.

Анна Данилова: Вопрос именно о проблеме пребывания на службе. Мне представляется, что это резкий и не для всякого ребенка приятный переход. Вчера ему было семь лет — он приходил только к причастию или к литургии верных. Сегодня ему одиннадцать, и ему и в храм-то еще меньше хочется идти, чем в семь, а уже надо приходиться практически к началу службы.

Протоиерей Владимир Воробьев: Почему?

Протоиерей Александр Ильяшенко: Как правило, родителям трудно приехать, особенно если семья многодетная

Протоиерей Владимир Воробьев: Это очень важно, необходимо. В одиннадцать лет, если он не очень далеко живет, он сам может прийти.

Жизнь с Богом — это огонь

Анна Данилова: Сейчас уже выросло не одно поколение людей, которых вы приводили в храм, у которых вы принимали первую исповедь, кого вы крестили. Многие ли остаются в Церкви, ведут сознательную христианскую жизнь?

Протоиерей Владимир Воробьев: Это довольно трудно просчитать, потому что если люди уходят из нашего храма, то это не значит, что они из Церкви ушли. Даже если они ушли из Церкви на какое-то время, а потом вернулись, я могу этого не знать.

Я думаю, что те, кого во взрослом возрасте привели в храм и крестили, уходят из Церкви редко. Если их катехизировали, исповедовали по-настоящему, они вкусили уже во взрослом возрасте красоту христианской жизни, то совсем уйти им трудно, они так или иначе возвращаются. Многие теряют энтузиазм первых лет, потом приходят в храм редко: «Я верующая, я в храм хожу, приезжаю несколько раз в год». Это не то, к чему мы стремились. Людей, которые так роняют и убивают благодатный порыв веры, конечно, гораздо меньше, чем стремящихся жить церковной жизнью, но они тоже есть.

Анна Данилова: Что должно происходить в церковной жизни человека, чтобы он этот энтузиазм не растерял? Я в своем окружении вижу большое количество людей, которые совсем вроде из Церкви не ушли, но стали ходить в храм значительно реже. Христоцентричности в их жизни, да и в моей тоже, наверное, совсем нет. Раньше Евхаристия была центром жизни, а потом в какой-то момент стала лишь ее частью.

Протоиерей Владимир Воробьев: Этот вопрос похож на вопрос о выгорании священников, который дискутировался не так давно. Меня всегда очень удивляло: какое может быть выгорание у священников? Я думаю, что у простых людей, как и у священников, это происходит тогда, когда они уходят от благодатной жизни, перестают жить Духом Святым.

Прежде всего, речь идет о молитве: человек перестает молиться — не просто вычитывать правило, а именно молиться от своего сердца, перестает жить любовью. Это так же, как бывает в семье. Сначала влюбленность такая, что просто страшно смотреть. Потом поженились — уже поспокойнее. А на старости лет разводятся, уже никакой любви не осталось. Отчего люди перестают друг друга любить? Они эту любовь не выращивали, поэтому утратили совсем.

Любовь — это огонь. Жизнь с Богом, духовная жизнь — тоже огонь, его надо поддерживать, как огонь в печке. Поддерживается он молитвой и добрыми делами. Если муж к жене, жена к мужу относятся с любовью, по-прежнему заботятся друг о друге, стараются порадовать, тогда ничего не выгорает. Влюбленность — это еще не любовь. Настоящая любовь к старости бывает гораздо сильнее и лучше.

Любовью не бросаются

Протоиерей Александр Ильяшенко: Батюшка, а что с подростками делать? Ходят в храм подростки — друзья, подружки. Ко всем относишься одинаково, но кто-то остается, а кто-то перестает ходить. Что священнику нужно делать и чего делать нельзя?

Протоиерей Владимир Воробьев: Результат зависит и от священника, и от подростка, и от его родителей. Установился ли личный контакт с этим

подростком? Если он ограничивается только исповедью в храме, то не удивительно будет, если он со временем обесценится, и ребенок подрастет и уйдет.

В наших нынешних условиях в храме невозможно создать обстановку спокойной, внимательной отеческой беседы с сыном или дочерью. Слишком много людей, поэтому мы всегда спешим, мы всегда в напряжении, стараемся все ускорить, сократить. Человек, особенно ребенок, это чувствует, и у него создается впечатление, что он не очень нужен этому батюшке. Батюшка исполняет свои обязанности, он очень спешит почему-то: может быть, он устал и хочет домой, а может, еще какая-то причина есть. В общем-то, с ним не так-то легко поговорить. А о чем с ним разговаривать? Маму не слушаю, братика обижаю? Ну и хватит, что еще? Рассказывать ему что-то о себе зачем?

Эту трудность можно преодолеть, только если устанавливаются личные отношения священника с ребенком, причем отношения не формальные. Мы встречаемся не потому, что должны, а потому, что нам с тобой хорошо вместе, потому что я тебя люблю, и ты меня любишь, потому что ты хочешь мне рассказать о себе, а я хочу знать о тебе все. Любящий отец хочет знать все о своем ребенке и участвовать в его жизни. Если он это делает с любовью и тактично, тогда дети отвечают ему любовью. Дети очень любят отца, который действительно принимает участие в их жизни, так же они будут относиться и к священнику.

Помочь в этом должны родители, священнику невозможно установить такие отношения самому. Не могу же я бегать за подростком — пойдем, я сейчас буду с тобой по-отечески разговаривать? Мать должна его настроить, что «мы идем к батюшке, он тебя любит, он будет очень рад поговорить, послушать о том, как ты живешь, ты ему можешь рассказать...» Тогда священнику легче установить и поддерживать контакт с ребенком. Если так получается, то эти отношения сохранятся на всю жизнь. Ребенок вырастает, но продолжает доверять священнику.

Иногда бывает, что девочка ходит в храм, любит своего батюшку, потом вырастает, ты ее благословил замуж выйти, венчал... У нее началась новая жизнь. Если еще муж почему-то не очень хочет, чтобы она поддерживала отношения с конкретным священником, они могут прекратиться. У нее все в порядке, но отношения ушли. Впрочем, если есть

личный контакт и любовь, то любовью обычно люди не бросаются. Ее в нашем мире не так много.

Пусть решает сама

Анна Данилова: Отец Владимир, как вы даете благословение на брак? В какой момент вы понимаете, что этим людям можно пожениться? Я в своем окружении наблюдаю, что много разводов среди православных, причем разводы часто бывают очень неприятные: и детей делят, и скандалы, ссоры. А раньше ходили к одному духовнику, пели вместе на клиросе, год ходили за ручку, только потом венчались. При этом среди моих светских ровесников, которые совсем в церковь не ходят, отношение к браку часто бывает намного более сознательным. Какой у вас здесь опыт?

Протоиерей Владимир Воробьев: Это один из самых трудных вопросов для духовника. Тут нужно быть очень осторожным. В большинстве случаев брать на себя ответственность разрешать выходить замуж или жениться невозможно и неправильно. Молодые люди сами решат этот вопрос.

Анна Данилова: Православные девушки любят спрашивать: «Ну как, батюшка? Можно за него замуж-то выходить?»

Протоиерей Владимир Воробьев: Спрашивать любят, но слушаться — не очень любят. Можно сказать что-то вроде: «Ну, давай подумаем...» — но все-таки пусть решает сама. Я благословляю, но не так, чтобы брать на себя полную ответственность за этот брак. Так могут делать великие старцы, которым открыта воля Божия, но это крайне редкий благодатный дар. Если его нет, то не нужно из себя строить того, кем ты не являешься, но и у простого священника бывают такие случаи, когда Господь вдруг что-то открывает. Это нельзя объяснить, но иногда чувствуешь, что будет очень хорошо, и спокойно благословляешь.

Анна Данилова: Так и было потом?

Протоиерей Владимир Воробьев: Да.

Анна Данилова: А бывает, что вы чувствуете, что вот точно люди совершают ошибку?

Протоиерей Владимир Воробьев: Бывает. Я в таких случаях говорю: «Не надо». Бывает, что люди слушаются, мне удается остановить их. Бывают и неудачные случаи, когда и сам ошибешься. Как у каждого врача есть свое кладбище, так и у духовника бывают ошибки. Это очень тяжело.

Анна Данилова: Но все равно максимально хочется соломки подстелить? Как не ошибиться в этом выборе?

Протоиерей Владимир Воробьев: Самое главное — это молиться Богу, умолять Господа, чтобы Он указал Свою волю, не дал ошибиться. Надо постараться по-человечески понять этих людей. Главное в браке — это духовное единство, без него брака хорошего быть не может. Если духовное единство есть, то остальное все можно приспособить, преодолеть, воспитать в себе. А если нет духовного единства, тут ничего сделать нельзя.

Правила и исключения

Анна Данилова: Были у вас духовные чада, которые создавали семьи с совсем нецерковными людьми?

Протоиерей Владимир Воробьев: Я никогда не благословляю на это. Если они заключают брак, то без моего благословения.

Анна Данилова: У меня есть несколько подруг, которые вышли замуж за некрещеных молодых людей. Их духовники не видели в этом никаких сложностей. Сейчас они водят детей к причастию, в воскресную школу, помогают священнику на приходе, но при этом остаются неверующими. Тем не менее, для них это очень важно.

Протоиерей Владимир Воробьев: Но гораздо больше других случаев, когда отец не понимает, зачем все это нужно. Сам он неверующий, «давай поехали лучше на лыжах со мной покатаемся» или «что ты ходишь, зачем ты...» Он обижается, ссорится с матерью, не дает ходить в храм, нужно от него прятаться, и вся христианская жизнь разваливается.

Если христианка выйдет замуж за неверующего, отлучается от причастия на всю жизнь, по крайней мере, до смерти мужа. Это правило апостольское, его отменить никто не может.

Протоиерей Александр Ильяшенко: Конечно, это раскол в семейной жизни, и по самому принципиальному направлению.

Анна Данилова: Мне всегда казалось, если делать все правильно, то все будет хорошо, и наоборот. Но часто оказывается, что жизнь намного сложнее. Бывают мужья и жены, которые вроде формально верующие, они приходят на исповедь и на причастие, но никакого духовного единства у них нет, они глубоко друг другу безразличны. Они могут скандалить, разводиться, ссориться при детях и совершенно друг друга, по большому счету, не любят. При этом бывают люди не особо церковные, которые не подходят под наши правила, но при этом для них очень важно то, чем живет супруг.

Протоиерей Владимир Воробьев: Бывают самые разные случаи. Бывает и так, что неверующие люди гораздо лучше верующих. Апостол Петр сказал, что живущий по правде и по закону добра человек во всяком народе приятен Богу. Но такие случаи — исключение, не правило. На основе этих исключений нельзя сделать никаких выводов. Правило все-таки другое: без веры ни духовного единства быть не может, ни нравственной жизни не получается, потому что нравственность всегда основывается на вере в Бога. Без веры обычно нет и настоящей любви.

Просто полюбить службу

Анна Данилова: Отец Владимир, что больше всего способствует тому, чтобы люди присутствовали на службе со вниманием? Народный хор, какие-то тексты богослужения, объяснительные беседы? Что может человеку помочь действительно понимать, что на службе происходит, и переживать, живо воспринимать это?

Протоиерей Владимир Воробьев: Если он любви не имеет, то никто ему помочь не может. Нужно просто полюбить. В молодости я заинтересовался службой, достал книги — это было еще при советской

власти — и стал ее изучать. Я помню, я мечтал найти Типикон, нигде его не было. Когда мне один батюшка подарил эту книгу, я принял ее как драгоценность. Потом появились Триодь и Минеи, я научился составлять службу и стал эти службы вычитывать дома. Мне вдруг открылось, что там такая глубина, такая красота, которой больше нигде нет. Я понял, что ничего более совершенного, более прекрасного, чем служба церковная, вообще на свете не существует, что это вершина человеческого творчества. Я и сейчас глубоко убежден, что человек ничего более высокого не создал, чем службы Страстной седмицы.

Анна Данилова: А как священнику с прихожанами делиться таким опытом?

Протоиерей Владимир Воробьев: Вот когда я это все понял, разобрался в службе, то полюбил ее, и теперь я без службы не могу жить. Я думаю, что здесь любовь становится движущей силой. Любящему службу человеку надо помогать, нужно ему сделать доступными богослужебные тексты, вовлечь его в пение, в чтение, и все это принесет свои плоды. Если же человек такой любви не имеет, ничем его не заманишь. Он не чувствует этой красоты, как его увлечь?

Анна Данилова: Есть ведь в храмах какие-то кружки, объяснение богослужений. Вы студентам даете читать, например, книгу «Евхаристия. Таинство Царства» отца Александра Шмемана. В свое время эта книга переменила мое восприятие литургии.

Протоиерей Владимир Воробьев: Я читаю курс «Введение в литургическое предание», обо всех таинствах церковных стараюсь поглубже рассказать — историю, смысл, чинопоследование, развитие, его понимание в разные периоды истории. Это, конечно, помогает — но только тем, кто интересуется. А если человек не интересуется ... Вот если у человека нет музыкального слуха, как ни пой — он не оценит.

Увидеть святого

Анна Данилова: А если человек интересовался, но один раз как-то это прожил, а потом формализует? По-моему, это же вы писали про то, что когда

очень много раз читаешь, например, разрешительную молитву, то уже выговариваешься, не осознаешь смысла?

Протоиерей Владимир Воробьев: Да, конечно. Это знает любой священник. Если что-то делаешь формально, то теряешь все. Если ты свое правило вычитываешь только глазами, а сердце не молится, то такая молитва теряет смысл. Слова перестают трогать. Все в церковной жизни зависит от того, можешь ты приложить к этому сердце или нет. Это главное — чтобы была любовь, сердечное участие. Если оно есть, тогда все хорошо, тогда все получается. А если нет, то все бесполезно.

Анна Данилова: А у вас были моменты охлаждения, формализации, когда сердце не горит?

Протоиерей Владимир Воробьев: В молодости было. Я был воспитан в вере и молился Богу с детства, но интенсивной церковной жизни у нас не было. Мы ходили в храм редко, потому что рядом была школа, и родители боялись, что заметят. Храм открывался мне постепенно. В каком-то возрасте этот процесс затормозился, у меня возникли сомнения. Я понял, что то, что я получил от родителей с детства, я должен как бы отложить в сторону и все сам заново осмыслить. Или принять, или не принять.

Этот процесс занял несколько лет. Я все время думал, читал, искал ответы на разные сомнения. Когда я уже стал взрослым, я молился Богу, и Господь мне послал в жизни много замечательных святых людей. Когда у меня появились такие контакты, охлаждение прошло. Дальше наоборот, мне кажется, было движение вперед. Очень важно, чтобы человек имел личный опыт общения с Богом, и он часто дается через святых людей. Очень важно увидеть святого, духовного человека.

Анна Данилова: Увидеть?

Протоиерей Владимир Воробьев: Увидеть, пообщаться с ним, почувствовать. Это очень важно.

Больному особенно нужна любовь

Протоиерей Александр Ильяшенко: Отец Владимир, есть люди нездоровые, которым нужно только со священником поговорить. Ни покаяния, ни стремления к духовной жизни нет, человек просто заполняет какую-то пустоту этим общением. Вот что священнику тут нужно делать?

Протоиерей Владимир Воробьев: Нужно иметь в виду, что у таких людей тоже есть своя душевная жизнь, хоть она и отличается от жизни здорового человека. Часто мы не можем ее как следует понять. Как говорится, сытый голодного не разумеет, и здоровый человек больного тоже часто не понимает. Нужно очень бережно относиться к этим людям. Думать, что им все равно и они ничего не чувствуют, неправильно. Просто они чувствуют как-то по-другому, и жизнь у них складывается по-другому. У них не очень работает логика, зато очень сильные душевные порывы.

Священнику нужно помнить, что больному человеку особенно нужна любовь. Если с ним общаться в любви, то можно ему помочь. Больных людей намного труднее любить, и они от этого еще больше страдают. Если принимаешь их с любовью, то они приходят в церковь, причащаются, участвуют в таинствах.

Болезнь и одержимость часто бывают связаны, потому что здоровый человек одержимости сопротивляется, а больной не может. Бывает, эти люди обижены и не могут с этой обидой справиться, но если их с любовью примешь, то они это ценят.

Протоиерей Александр Ильяшенко: У меня есть такой прихожанин. Я к нему стараюсь относиться настолько мягко и тепло, насколько могу, никогда ему не напоминаю об этом и не заостряю на этом внимание. Я постоянно говорю: «Приходи в храм». Он отвечает: «А я не приду», — потому что он не может утром просто элементарно проснуться. Он не причащается. Нужно ли его причащать? Какую епитимью на него накладывать? Хотя он, похоже, никакой епитимьи понести не может.

Причащать ли одержимых?

Протоиерей Владимир Воробьев: У него уже есть такая епитимья, что хуже не наложишь. Когда ко мне приходят такие люди и хотят чего-то, я не

решаюсь им отказать. Я обычно причащаю, если хотят. У них обычно тяжелые грехи, но если человек больной, он не может удержаться. Обычно их грехи связаны с раздражительностью, гневом, одержимостью злобой. Но если он при этом говорит о своих грехах и хочет причаститься, то я причащаю. Они потом приходят снова и снова, то есть это им это нужно.

Была одна женщина, которая во время исповеди злобно выла. Одержимость налицо, но я, тем не менее, ее причащал. Ходила в храм она редко. Я ей все время говорил, чтобы она приходила чаще, но она не могла, что-то ее не пускало. Чем дольше она не была в храме, тем в худшем состоянии оказывалась, когда приходила. И вот однажды она пришла ко мне, я ее исповедовал, допустил к причастию. Она причастилась, а после службы с ней случился какой-то невероятный припадок. Когда она меня увидела, то выскочила из храма на кладбище, которое было рядом.

Такого, как с ней дальше случилось, я никогда не видел. Ее свернуло, и она стала кататься колесом по дорожкам кладбища с безумной скоростью. Даже нельзя было понять, как это физически возможно, никакой атлет не может такое сделать. Ее просто носила какая-то нечистая сила вокруг храма. Когда она совершенно изнемогла, то остановилась. Она была вся в пене, говорить не могла. Приехала «скорая помощь», ее схватили санитары, закинули в машину и увезли. Больше она в церкви не появилась.

Я, конечно, задался вопросом: надо ли было ее причащать? Наверное, не надо было. Надо было это почувствовать. Однажды, когда отец Таврион служил литургию в пустыни под Ригой, раздался какой-то шум. Народ раздвигается, и по центру храма от входа к алтарю по-пластунски ползет женщина. Все расходятся, она ползет и что-то бормочет, явно недоброе. Доползает до амвона. Отец Таврион выходит из алтаря и говорит: «Чего ты хочешь?» Она говорит, что причаститься. Он говорит: «Нет, мы таких не причащаем. Уходи отсюда». Он знал, что нельзя. Я вот тогда не знал и причастил ее, и это пошло ей не на пользу.

Каждая такая проблема должна решаться индивидуально. Надо молиться и просить у Бога помощи, чтобы Господь вразумил. Человеческая душа — это такая глубина, такая тайна, что никаких общих правил в этих случаях не существует. Но, в принципе, понятно, что человека, который склонен впасть в агрессивное состояние, причащать нельзя.

Анна Данилова: Может у священника быть охрана? За последние лет десять произошло много трагических историй со священнослужителями. Были люди, которые угрожали священникам и даже убивали их. Причем очень во многих случаях действительно священник по-доброму к человеку относился, давал ему работу, как-то помогал.

Протоиерей Владимир Воробьев: В психиатрических больницах таких больных часто посылают в храмы, потому что говорят, что это самая лучшая реабилитация. Эти больные никому не нужны. Дома они не нужны, они мучают всех родных. На работу их не берут. Куда им деваться? Они идут в храм. И храмы наши становятся филиалами таких, я бы сказал, интернатов для всех «хроников».

Часто бывает, что стоишь на амвоне и видишь: подходят люди сплошь больные. Может быть что угодно. Я знаю случай, когда священник вышел на полиелей, и сзади его топором ударили по голове. Удар был несильный, видимо, и митра его спасла. Так что священников вообще лучше беречь, но если священник будет ходить с охраной по городу, это будет странно.

Практика против логики

Анна Данилова: Отец Владимир, как быть с разговорами во время богослужения? Особенно часто на запричастном стихе начинается хождение по храму, разговоры, новости, обсуждения... Что вы с этим делаете?

Протоиерей Владимир Воробьев: Во-первых, мы изо всех сил стараемся сократить время между возгласом «Святая святым» и причащением мирян. В моих храмах во время причащения священнослужителей бывает проповедь. Хотя, по логике богослужения, это неподходящий момент, но практически в нашей ситуации хорошая проповедь останавливает хождения и разговоры.

Труднее всего совладать в это время с детьми. Был у нас такой опыт, когда мамы с детьми становились у амвона и пели хором. Постоянно это делать не получается, у мам не хватает сил. Часто дети выбегают на улицу и начинают играть, что, конечно, очень некстати.

Взрослым нужно объяснять, что все встречи должны быть после службы. На Западе принято, чтобы была общая трапеза, мы тоже можем что-то подобное организовать. Тогда — пожалуйста, беседуйте, обсуждайте что угодно, но в храме во время службы разговоры недопустимы.

Исповедь по e-mail

Анна Данилова: Считаете ли вы правильным давать прихожанам свой телефон? Нужно ли отвечать на их звонки вечером и ночью, или должно быть время, когда у священника телефон может быть выключен? Как вообще сохранить как-то душевное спокойствие и равновесие в таком интенсивном режиме? Где искать время на чтение? Если себя все время отдавать, то ведь надо и как-то наполнять.

Протоиерей Владимир Воробьев: Мне вспоминаются разные звонки. В пять утра: «Батюшка, вы спите?» Говорю: «Нет, уже не сплю». «Батюшка, вы знаете, мой Мишенька — дурачок». Новорожденный Мишенька. «Почему дурачок?» — «Он язычок высовывает». Говорю: «Ничего, еще не дурачок пока» — «Ну хорошо. Простите, батюшка, что побеспокоила». Бывает хуже, но по большей части сейчас прихожане все-таки понимают, что священника нужно беречь. Телефон я, конечно, даю не всем, но очень многие его знают и звонят.

Анна Данилова: И срочные духовные вопросы тоже есть, наверное, у многих.

Протоиерей Владимир Воробьев: Да, я даже прошу, чтобы они писали на почту. Каждый день я до ночи сижу, отвечаю на письма. Очень часто по почте присылают исповеди.

Анна Данилова: А так можно?

Протоиерей Владимир Воробьев: А почему нет? При советской власти мы писали своим духовникам по настоящей почте. По электронной почте это еще легче и удобнее. Думаю, что это в какой-то степени оправдывает интернет.

Протоиерей Александр Ильяшенко: Но, батюшка, очень легко таким интернетным общением вытеснить серьезное личное общение! Людям легче написать на почту или позвонить по телефону, чем пойти в храм.

Анна Данилова: И краснеть не надо.

Протоиерей Владимир Воробьев: Нет, я такого не замечал. Очень хорошо, что человек может набрать свою исповедь, подумать, послать, получить ответ. Это же не заменяет литургию!

Анна Данилова: Отец Владимир, правильно я понимаю, что такая практика у вас с людьми, которые стали вашими духовными чадами, с которыми вы в любом случае находитесь в постоянном общении?

Протоиерей Владимир Воробьев: Да. Это серьезная нагрузка, личного времени остается очень мало. Если остается время, я стараюсь свои долги отдавать. У меня всегда на столе лежит стопка непрочитанных рукописей, которые я должен прочитать, отредактировать, кое-что написать. Свободного времени, чтобы мне нечего было делать, у меня не бывает.

Анна Данилова: А для души вы что делаете? Читаете, музыку слушаете или просто гуляете, с внуками общаетесь? Есть такое время у вас?

Протоиерей Владимир Воробьев: Есть, но очень мало. Музыка не слушаю, в кино и театр не хожу. Читать книжки для себя не успеваю, только когда что-то нужно по работе. Стараюсь молиться, но бывает, что уже сил никаких нет ни на что. Часто не удается выспаться, поэтому, как только где-нибудь остановишься, сразу засыпаешь.

Анна Данилова: Вот и вопрос, как с такими нагрузками действительно не потерять молитву, горение...

Протоиерей Владимир Воробьев: Я считаю, что очень важно и спасительно для современного человека молиться Иисусовой молитвой. Если такой навык появляется, как только есть свободная минутка, сама собой возникает потребность в молитве.

Анна Данилова: Спасибо большое, отче.

Протоиерей Александр Ильяшенко: Спасибо, батюшка.